

A complex, black and white decorative border on the left side of the page, featuring intricate floral and paisley patterns that extend from the top to the bottom.

КОНСТАНС
СЭЙЕРС

ДАМЫ
ТАЙНОГО
ЦИРКА



МОСКВА

A complex, black and white decorative border on the right side of the page, mirroring the left border with intricate floral and paisley patterns that extend from the top to the bottom.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
С97

Constance Sayers
LADIES OF THE SECRET CIRCUS

LADIES OF THE SECRET CIRCUS

© Constance Sayers, 2021

Translation rights arranged by Sandra Dijkstra Literary Agency

Сэйерс, Констанс.

С97 Дамы тайного цирка / Констанс Сэйерс ;
[перевод с английского А. В. Гавронской]. —
Москва : Эксмо, 2025. — 608 с.

ISBN 978-5-04-209943-4

Франция, 1925 год. Сесиль Кабо прикована узами крови к Тайному Цирку: миру чудес, где артисты плетут чары иллюзий, карусели возвращают в прошлое, а воздушные гимнасты умеют летать. Это единственный мир, который известен Сесиль... пока девушка не встречает молодого художника, страсть к которому может разрушить всё.

Вирджиния, 2004 год. Лара Барнс уверена, что вскоре станет счастливой женой, но Тодд, её возлюбленный, исчезает в день свадьбы. Отчаянные поиски заставляют девушку искать ответы в дневниках её прабабушки.

Так Лара узнаёт историю Тайного Цирка — и фамильные секреты. Ведь на женщинах её рода лежит проклятие, и исчезновение Тодда может быть связано с ним...

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Гавронская А.В., перевод
на русский язык, 2025
© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-209943-4

*Моим леди:
Барбаре Гатри Сэйерс
Голди Сэйерс
Нессе Гатри
и Лоре Битти Фуллер*

Цирк — ревнивая стерва. В самом деле, это ещё мягко сказано. Это прожорливая карга, которая высасывает твои жизненные силы, как вампир — кровь... Всё это — цирк, и тем не менее я люблю его больше всего на свете.

Генри Ринглинг Норт

Пролог

Керриган Фоллз, штат Вирджиния

9 октября 1974 года

«Бьюик» наполовину стоял на дороге, наполовину съехал в кювет, блестящий корпус сливался с крошечной темнотой ночи.

Он ударил по тормозам, едва не врезавшись в заднее крыло чужой машины. Господи, кому и на кой чёрт понадобилось оставлять машину *здесь?*

Автомобиль казался знакомым. Он напряг мозги, пытаясь припомнить, где прежде его видел.

Обеспокоенный тем, что кто-то мог пострадать, он вышел на дорогу, предусмотрительно оставив в своей машине мигающий правый поворотник, чтобы её заметил любой, кто поедет по этому безлюдному участку. Невзирая на полнолуние, тень густого леса шатром накрывала дорогу — даже осенью, когда листва уже редела. Группы ровных берёзовых стволов белели в темноте, как длинные палочки мела. Из-за берёз сияла луна, и он слегка приободрился.

Он заглянул в машину через открытое окно — переднее сиденье пустовало. АрСи-Кола расплескалась на кожаную обивку, как будто водитель держал бутылку в руках, когда машина резко остановилась.

Радио вопило на полную мощность. Несчастный придурок, видимо, просто пошёл в лес облегчиться.

— Привет? — Его голос разнёсся дальше, чем он ожидал, и он вдруг осознал, как пустынна эта дорога.

Всеобщая неподвижность сбивала с толку. В такой час лес должен гудеть от ночной жизни, но эта ночь была зловеще тихой. Он повернул обратно. Надо будет из дома позвонить в полицию старику Арчеру, рассказать о находке.

— Привет? Есть тут кто-нибудь?

На границе леса он заметил какое-то движение.

У него участился пульс, и он поспешил обратно, в безопасность своей машины, с огромным облегчением поставил ногу на пол, чтобы забраться внутрь и уехать прочь. Но вместе с тем его внимание привлекло нечто, плавно, по-кошачьи, скользящее между деревьями. В этих краях водились кошки, маленькие, но достаточно зловредные, чтобы досаждала фермерам. Он следил глазами за движением чего-то похожего на тень — и вдруг оно замерло.

Там, где остановилась эта штука, на обочине дороги возникла непонятная куча. Он осторожными шажками обогнул багажник, всё ещё под защитой машины. Что там такое? Ворох листьев? Господи, только бы не тело.

Ещё шаг ближе. Ещё чуть-чуть.

Воздух вышибло у него из груди, когда он понял — слишком поздно, что же перед ним. Оно было быстрым, очень быстрым, и на мгновение — его последнее мгновение — показалось странно знакомым.

Когда всё закончилось, лес снова сделался неподвижным, и только два радио в машинах в унисон играли песню «The Air That I Breathe».

Часть 1

СВАДЬБА, КОТОРОЙ НЕ СЛУЧИЛОСЬ

Глава 1

Керриган Фолз, штат Вирджиния

8 октября 2004 года

Не то платье, поняла Лара. Совершенно не то.

Платье было серовато-бежевое, цвета старой кости. По приталенному лифу ветвился сложный спиральный узор из платинового бисера. От середины бедра начиналась длинная шифоновая юбка, подметающая пол эффектным пятифутовым шлейфом. Поправив наряд, Лара бросила хмурый взгляд в зеркало. Да, *это* платье — сплошное разочарование.

Фактически она впервые осталась с платьем один на один. Мать не стояла у неё за спиной, не расправляла ткань, ничего не говорила специальным многообещающим голосом. Вокруг не суетились свадебные распорядители и портнихи с воодушевляющими общими фразами о том, как *великолепно* она будет выглядеть.

В этом платье? Не будет.

Лара склонила голову к одному плечу, затем к другому — в надежде, что какой-нибудь ракурс ей всё-таки

понравится. Ей вспомнилась небольшая стопка фотографий, которые она в детстве вырезала из свадебных журналов. Они с подругами рады были даже прошлогодним потрёпанным номерам «Современной невесты» из зон ожидания в парикмахерских, куда их матери ходили на завивку, осветление и окрашивание. Когда никто не видел, девочки прятали старые журналы в портфели, а позже разглядывали у себя в комнатах, и каждая вырывала страницы со своими любимыми моделями платьев из шёлка, тафты и фатина. Лара хранила некоторые страницы годами, и из них сложился упрощённый образ *вот этого* платья, которое сейчас отражалось в зеркале. Она вздохнула. Никакое платье не оправдало бы таких завышенных ожиданий. Но это было слишком взрослым, слишком старомодным: больше исторический костюм, чем свадебный наряд.

Лара обернулась, напряжённо прислушиваясь, не возвращается ли мать на второй этаж. В коридоре было тихо. Она улыбнулась. Рассматривая своё отражение, она начала желать, чтобы юбка платья стала менее облегающей в бёдрах, а шлейф — более пышным. Подёргав его, она сконцентрировалась изо всех сил, и ткань поддалась и распустилась, как раскрывающийся цветок в замедленной съёмке, складки взлетали и опали, укладываясь перед ней.

— Вот сюда, — сказала она, и ткань повиновалась. — Чуть меньше. — Ткань взвихрилась, как живая, шелестя и перемещаясь, чтобы угодить ей. — Превосходно. — Лара повернулась, глядя, как уменьшается шлейф, пока она не приказала: — Стой.

Она покружилась перед зеркалом, любуясь разлетающейся юбкой. Дальше настало время заняться цветом.

— Чуть светлее, ближе к слоновой кости, меньше платины.

Серебристые тона платья потеплели до мягкого оттенка слоновой кости, как телеэкран, корректирующий яркость.

— Гораздо лучше. — Она прикинула, стоит ли оставлять в октябре открытый лиф без рукавов. — Может быть, рукава?

Платье заколебалось, как будто заклокотало, не понимая, что делать.

— Кружевные рукава, — уточнила она.

Платье немедленно повиновалось, как почтительный портной, и вдоль её руки соткался затейливый кружевной узор, словно края сшивали вместе поющие птички из диснеевских мультфильмов.

— Лара Барнс, что ты *делаешь*?!

Позади неё стояла мать, уперев одну руку в бедро; в другой она держала искусной работы кольцо из двадцати нитей жемчуга. В центре сияла большая бриллиантовая вставка в викторианском стиле.

— Мне оно не нравилось! — воскликнула Лара, защищаясь. Она погладила новую юбку, как послушного питомца, давая платью понять, что с изменениями закончено.

— Тогда иди в магазин и купи другое. Ты не можешь просто *заколдовать* платье, Лара!

— Ну очевидно же, что могу! — Брови Лары взлетели от возмущения, она повернулась лицом к матери. —

Нам не понадобилось его менять, у меня получилось лучше.

— Рукава вообще не подходят. — Одри Барнс нахмурилась и провела пятернёй по пшеничного цвета коротким волосам. — Развернись, — скомандовала она, сопровождая свои слова вращением кисти. — Ты будешь нервничать на церемонии, и чары спадут. Попомни мои слова. Это опасная затея.

— Ты же можешь поддержать его целым, если моё заклинание пропадёт.

— Вот мне больше беспокоиться не о чем.

Мать Лары была блестящей заклинательницей, пусть даже ненавидела пользоваться магией. Она отдала колье дочери и занялась заколдованным свадебным нарядом: провела ладонями по кружевным рукавам, и под её прикосновением они превратились в струящийся шифон. В отличие от Лары, матери не приходилось говорить платью, что делать, оно подчинялось её мыслям. Одри вернула платиновому бисеру первоначальный цвет, но потом передумала и заменила его целиком мягким вышитым узором.

— Вот так, — сказала она. — Нужно что-то плотное по контрасту с рукавами.

На выходе получилось платье цвета слоновой кости с рукавами того же цвета, платиновой отделкой на лифе и пышной юбкой в пол.

— Так гораздо романтичнее, — заключила Одри.

Лара оглядела изменения в зеркале и осталась довольна.

— Тебе нужно чаще зачаровывать платья, матушка!

Одри бросила на дочь сердитый взгляд, забрала у неё из рук украшение и надела ей на шею.

Лара в восхищении потрогала колье.

— Где ты прятала эту побрякушку?

— Оно принадлежало Сесиль, — сказала Одри. То есть прабабушке Лары.

Колье действительно выглядело знакомым.

— Ты носила его раньше?

— Нет, — ответила мать, любовно глядя на свои изменения в платье, поправляя его здесь и там и лёгкими прикосновениями меняя оттенок и фасон. — Но ты его видела. Бабушка в нём на портрете.

Лара сотни раз проходила по коридору мимо портрета Сесиль Кабо, но никогда не задерживалась, чтобы рассмотреть его внимательнее. Она попыталась припомнить колье.

— Она унаследовала его от матери.

— Я не знала. — Лара потрогала изящные жемчужные нити, удивляясь, почему ни разу не находила его в детстве, когда рылась в материнской шкатулке с украшениями.

— Говорят, она была знаменитостью. — Одри улыбнулась и покружила Лару за руку. — Ты в нём прекрасно выглядишь. И мне нравятся изменения в платье, но так рисковать нельзя. Тебя могут поймать.

— Но я в своей комнате. Кому меня ловить, кроме тебя?

— Нельзя подвергать себя риску из-за магии, Лара. Тебя не поймут. Представь, что будет, если это платье расколдуется посреди твоей свадебной клятвы?

— Ты имеешь в виду, что *Todd* не поймёт. — Лара скрестила руки на груди.

— Послушай, — сказала Одри тоном убеждения, — некоторые тайны следует строго хранить даже от Тодда. И *это* — одна из них.

Лара знала: мать всегда хотела, чтобы они были «нормальными». Они же, напротив, принадлежали к фамилии Кабо — знаменитой и странной цирковой семье, которая раньше владела Цирком Марго. Семьи циркачей редко бывают нормальными. В детстве Одри каждое лето выступала с лошадьми, стала выдающейся наездницей, но терпеть не могла выступать на публику и ясно дала понять, что не желает больше участвовать в семейном деле. Вместо этого молодая девушка забрала из своего номера лошадей породы Липпитт Морган и занялась их разведением, и вскоре фермы Кабо превратились в одно из самых успешных коневодческих хозяйств на юге. Из-за конкуренции с телевидением для Цирка Марго наступили тяжёлые времена, и он закрылся в начале 1970-х, когда посетителей стало намного меньше.

А ещё были эти странные способности — простые «корректировки», которые могли делать и мать, и дочь. Одри так рассердилась, когда её не по годам развитая дочь использовала чары в школе на глазах у других детей, что в наказание заколдовала все двери и окна в доме, и Лара провела выходные под домашним арестом.

Лара повернулась к Одри спиной.

— Расстегнёшь? Мне надо съездить к Тодду.

— Сейчас? — Одри снова упёрла руки в боки. — Десять вечера. Не задерживайся надолго, это плохая примета.

Лара закатила глаза, собрала платье, которое вернулось к своему первоначальному виду, и повесила на вешалку. Они с Тоддом поддались бабушкиным сказкам Одри и согласились провести ночь перед свадьбой отдельно. Лара сегодня вернётся на фермы Кабо к матери, а Тодд будет ночевать в их квартире.

Одри Барнс обладала всеми привлекательными свойствами блондинки из фильмов Хичкока, но также разделяла все мифы и романтические убеждения викторианской героини. Она назвала Лару в честь персонажа из «Доктора Живаго» — фильм они исправно пересматривали каждый год с коробкой платочков. Завтра на свадьбе Лара будет танцевать с отцом под кавер Аль Мартино «Somewhere My Love»¹, и мать наверняка будет утирать слёзы где-то рядом со свадебным тортом.

Её джип выбирался по извилистой дороге от ферм Кабо на автомагистраль, и Лара вспомнила разочарованный взгляд матери, когда они с Тоддом объявили о помолвке. Её жених не очень-то нравился Одри. Она пыталась отговорить их от свадьбы, убеждая подождать до весны. Лара знала: мать надеется, что время сможет что-то изменить. Но Тодд был Лариной первой любовью, её первым во всех смыслах. Они знали друг друга с пятнадцати лет.

¹ В основе этой песни музыкальная тема Лары из фильма «Доктор Живаго» 1965 года.

Одри содействовала тому, чтобы они учились в разных колледжах, оплатила дочери семестр учёбы в Европе и даже смирилась с Лариными годичными гастролями вместе с группой отца — всё что угодно, лишь бы охладилась их отношения с Тоддом. Тодд также уехал в колледж, отучился два курса, затем вернулся домой и основал мастерскую по реставрации ретроавтомобилей.

Когда они были в разлуке или расставались на время, другие парни интересовали Лару, только если были похожи на Тодда. Судя по коллекции двойников Лары, с которыми встречался Тодд во время их размолвок, он чувствовал то же самое. Химия или магия — какое-то необъяснимое притяжение всегда приводило их друг к другу.

Лара не сомневалась: если бы Одри была моложе, она потеряла бы голову именно от такого романтического типажа плохого парня, как Тодд. Фактически мать выбрала свою версию Тодда когда-то в 1974-м, когда вышла замуж за Лариного отца, Джейсона Барнса.

Лара свернула на подъездную дорожку. Дом гудел деятельным ожиданием, фонари освещали дорогу до приоткрытой сейчас входной двери. Родственники из дальней дали вроде Одессы и Толедо занимали ручки диванчика и декоративные стулья со спинкой. Звенели тарелки, люди сталкивались друг с другом над грязной посудой и кружками с кофе без кофеина. Лара задумалась, почему её дом, в отличие от этого, не был полностью забит роднёй.

Она заметила Тодда через зал: он выходил из задней двери с пакетами льда в руках. Проходя мимо, он тоже заметил Лару и улыбнулся. Его длинные, до подбородка, волнистые волосы в течение вечера начали виться кудрями.

— Лара, почему ты не заставила его подстричься? — спросила у неё тётя Тильда, парикмахерша откуда-то из Огайо. Лара заговорщически подняла брови. Как будто кто-то мог заставить Тодда сделать что-нибудь против его воли.

Передав лёд, Тодд чмокнул тётю в щёку.

— О, тебе не нравятся мои волосы?

Лара увидела, что пожилая женщина инстинктивно одёрнула кофту, когда Тодд перевёл на неё взгляд.

Тётя потянула на себя один локон и пристально его осмотрела. У Тодда были блестящие каштановые волосы. Лара заметила несколько седых волосков, серебрищихся на свету, как мишура. Будь Тодд более заиклен на своей внешности, он бы покрасился перед церемонией. Тётя Тильда громко вздохнула и пригласила непослушную прядь, по-видимому согласившись, что Тодду идёт его причёска.

— Ну...

Тодд был не просто интересной внешности — он был настоящим красавцем. Как в Джеймсе Дине в расцвете красоты, в нём ощущалась трагическая чувственность, так пьянящая женщин. Всех женщин. Судя по всему, даже родственниц.

— Мне скоро придётся уйти. — Лара уютилась на диванном сиденье рядом с ним. В последнее время